

Екатерина **ВИЛЬМОНТ**

~~РЫЖИЙ~~ ДОКТОР

Екатерина Николаевна Вильмонт
Рыжий доктор
Серия «Бестселлеры
Екатерины Вильмонт»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68005604
Рыжий доктор: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-149920-4, 978-5-17-149919-8

Аннотация

Он уже больше ни на что не надеялся. За спиной остались только руины: неудавшийся брак с мучительным разводом, козни на работе, и как результат – тремор и уход из профессии. Так думал Рыжий доктор теперь уже в прошлом выдающийся кардиохирург. Что ему остается? Прислушаться к совету и сменить обстановку. Но он и представить не мог, что море и солнце подарят ему рыжего котенка и танцующую женщину на пляже. Но не все так просто...

Последний роман Екатерины Вильмонт – это история, в которой судьба несмотря ни на что всегда дает второй шанс.

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

71

Екатерина Вильмонт

Рыжий доктор

© Вильмонт Е.Н., наследники, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть первая

Горячий золотой песок струился между пальцев. Хорошо! Приятно вновь и вновь зачерпывать его ладонью и ощущать, какой он горячий... Это настоящее удовольствие... Стоп! Слово «удовольствие» в последний год как-то совсем ушло из его лексикона. Единственное, что радовало еще в этой жизни, – классно выполненная работа, но в последние два месяца он и этого лишился – руки начали дрожать. Неужто это конец? Хирург, у которого дрожат руки... Абсурд!

Знакомый психиатр, к которому он обратился, сразу сказал:

– Ты просто дурак! У тебя был кошмарно тяжелый год, три года не был в отпуске, а работа твоя требует напряжения сил и физических, и нервных. К тому же у тебя теперь и дома нормального нет, чему ты удивляешься, чудак? – Помолчав минуту, продолжил: – Скажи, у тебя есть на этом свете место и люди, которые будут тебе искренне рады?

– Да вроде нет...

– А ты подумай! Может, какие-нибудь дальние родственники или старые друзья?

– Зачем это? – искренне удивился он.

– Сменить обстановку, ощутить тепло и уют, заботу...

– Да нет у меня... Хотя... Есть тетка, но она живет далеко... Да и вообще...

– Где она живет? – не отставал Владимир Геннадьевич, психиатр.

– В Израиле.

– Это идеально! Ты с ней в каких отношениях?

– Когда-то был в хороших, но мы уже давно не общались.

– Послушай-ка, Игорь, совета специалиста.

– Да уж, придется... На тебя последняя надежда, – горько усмехнулся Игорь Анатольевич.

– Поезжай в Израиль, сними там комнату, и через два-три дня позвони этой родственнице. Обрадуется – прекрасно, нет – просто поживи у моря, понаслаждайся свободой, морем, горячим песочком, там сейчас жара не такая безумная... Найди красивую девушку!

– О нет, только не это! – поморщился пациент.

– Ну, это уж не мое дело, – хитро улыбнулся психиатр. – А эта тетушка... У нее есть семья?

– Муж давно умер, а сын со снохой смотались из Израиля в Канаду.

– Идеально! – воскликнул Владимир Геннадьевич. – Она будет тем самым лекарством, в котором ты нуждаешься...

И психиатр оказался прав. Тетка безумно обрадовалась его появлению и сразу потребовала, чтобы он из гостиницы перебрался к ней. У нее была большая квартира на улице Арлозоров, недалеко от моря, и тетушка Розалия Моисеевна сперва ужаснулась при виде племянника.

– Господи помилуй! Игорек, что с тобой? Я как-то в телевизоре видела, ты водил корреспондентку по своему отделению... Такой был бравый мужик, я так гордилась... Там еще говорили, что твоя больница теперь одна из лучших в Европе...

– Ну, с клиникой пока все в порядке... – грустно улыбнулся Игорь Анатольевич. – А вот я...

– Кто тебя так заездил, мальчик?

– Високосный год, по-видимому.

– Ты веришь в эти байки? А что с твоей женой?

– Жена осталась в прошлом.

– А... понятно... Это как в кино показывают... Врач или следователь пропадает на работе, а жена или все время ноет, или уходит в загул, да? Или ревнует к хорошеньким медсестричкам? Ну, судя по твоему виду, твоя и ныла, и ревновала, и в результате ушла в загул?

Он невольно рассмеялся:

– В самую точку, тетя Роза!

– И что, эта паршивка смогла так ухайдакать такого мощного мужика?!

– Ну, если б дело было только в ней... Там еще и на работе многое чего случилось... Да все бы ничего, но у меня стали дрожать руки... А для хирурга это смерть...

– Пройдет! – решительно заявила Розалия Моисеевна. – Поживешь у меня, каждый день будешь ходить на море, греться на солнце, я буду тебя кормить. У нас в Израиле толь-

ко помидоры и яблоки невкусные, но зато тут такие баклажаны... Ты любишь баклажаны?

– Да вообще неприхотлив в еде...

– В больнице питаешься?

– Ну да, у нас прилично кормят.

– После моей стряпни ты то и в рот не возьмешь. Только тебе придется ходить со мной на шук.

– Куда?

– На базар!

– Да с радостью, тетя Роза! Вообще, если нужна какая-то помощь, можете мной располагать.

– Ты в электричестве разбираешься?

– В общем-то да, а что?

– Да у меня розетка под микрогаль барахлит.

– Какая розетка?

– Ну куда микрогаль включают.

– Микрогаль – это микроволновка по-нашему?

– Да, именно.

– А у вас, допустим, отвертка есть?

– Есть, целых три, и плоскогубцы есть. И молоток!

– Замечательно! Давайте все сюда, будем чинить розетку!

– Да нет, это успеется. Я микрогалем редко пользуюсь. А вот на шук надо пойти. Тебе тяжелое-то можно поднимать?

– Можно, можно. Баклажаны осилю, – засмеялся он с благодарностью. Понял, что тетка испугалась, что у него будут дрожать руки и он не справится с отверткой. Он и сам этого

опасался.

– А на базар пешком пойдем?

– Нет, на автобусе поедем.

Шук Кармель восхитил Игоря Анатольевича. Там витали такие запахи! Тетушка деловито шла по прямой мимо прилавков со всякой мануфактурой, а он за ней, невольно цепляясь взглядом за какую-то рыночную чепуху. Но вот Розалия Моисеевна остановилась у прилавка с бледно-бледно розовыми плодами.

– Что это, тетя Роза?

– Синенькие!

– Баклажаны? И у вас поворачивается язык назвать их синенькими? – засмеялся он. – Никогда таких не видел!

– Да ты вообще, почитай, ничего еще здесь не видел, мальчик!

– Кажется, я попал в страну чудес! – радостно улыбнулся он, и в самом деле ощутив себя мальчишкой, попавшим если не в страну чудес, то по крайней мере туда, куда и должен был попасть. И поверилось вдруг, что он тут излечится.

Он как привязанный шел за теткой, забирая у нее все новые пакеты и пакетики. Потом они отошли к пустому прилавку. Розалия Моисеевна достала из сумки объемистый матерчатый мешок, аккуратно сложила в него все покупки и вручила Игорю.

– Утащишь? Или лучше в два разложить?

– Обижаете, тетя Роза.

– Сейчас еще купим хлеб – и домой!

– Нет, я видел тут цветочный ряд. Хочу купить вам цветы.

– Даже не думай! Терпеть не могу! Ну их, я уж устарела для букетов, будь они неладны, один мусор от них, – и заторопилась: – Пошли за хлебом! Выбирай, какой ты хочешь?

Запах у этого прилавка стоял умопомрачительный!

– Да я не знаю...

– Ладно, я сама...

Она что-то сказала на иврите. Сунула ему в сумку пакет с хлебом, а в руку какой-то кренделек.

– Попробуй, это бейгеле.

Это было очень вкусно.

– Сейчас домой приедем, и отправляйся к морю. Ты не голодный?

– Да что вы, тетя Роза, даже думать не могу!

– Ах, Игоречек! Если бы ты знал, как я рада, что ты приехал! И что тебе тут нравится! Скажи, а ты ведь такой известный врач...

– И что? – напрягся Игорь Анатольевич.

– Может, перебрался бы сюда насовсем?

– Я хоть и известный, да мой московский диплом тут надо еще подтверждать, а это не для меня. К тому же я, кажется, хирург уже в прошлом...

– Не выдумывай! Все у тебя пройдет, причем скоро! И нечего тут мерихлюндии разводиться! Отправляйся на море!

В воде он и вправду расслабился. Синее без облачка небо, теплое море смыли весь негатив, пусть ненадолго, но все-таки... И это наслаждение от горячего песка! Он вновь и вновь зачерпывал ладонями горячий песок...

– Добрый день, коллега! – раздался незнакомый прокуренный женский голос.

Он поднял глаза. На соседнем лежаке под зонтом лежала пожилая полная дама.

– Коллега? – улыбнулся он.

– Вы же доктор Симачев, я не ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь, но простите...

– А я доктор Бейлин, в прошлом кардиохирург, но не такой знаменитый. Работала во Франции, потом перебралась сюда. Я вот второй день за вами наблюдаю. Тремор?

– Он, черт бы его подрал!

– Что говорят?

– Да ничего определенного, – пожал он плечами.

– Надо разминать... мячик, то-се, вот и песок горячий то-

же хорошо. У меня тоже это было...

– И что, прошло? – вдруг живо заинтересовался он.

– Прошло. А вы тут что, отдыхаете?

– Да, вроде как отдыхаю... Боюсь, отдых затянется...

– Ой, смотрите на него, такой здоровенный мужик, европейская занятость, а впал в мерихлюндию! Куда это годится? Даже если не сможешь оперировать, дело тебе всегда найдется, – рассердилась дама. – Преподавать можешь, открыть свою клинику, возглавить ее, ты ж еще и организатор божьей милостью...

– Моя тетка точно так же меня утешает, – грустно улыбнулся Игорь Анатольевич.

– Слушай, ты разве еврей? – удивилась дама. – Не похож совсем.

– Да нет, просто брат мамы женился на еврейке. К ней я и приехал.

И чего я с ней разоткровенничался, совершенно не мой жанр. Раньше я просто встал бы и ушел. Но что-то нет сил. Да и славная в общем-то тетка. И коллега к тому же.

– А почему вы уехали из Франции? – спросил он просто из вежливости, чтобы не показаться депрессивным хамом.

– А почему сейчас в Израиле самая большая алия как раз из Франции? Антисемитов там расплодилось... Не желаю! Тебя ведь Игорем зовут? Ничего, что я на ты?

– Да ради бога! Да, я Игорь.

– Я вот смотрю, обручального кольца нет... Холостяк или

разведенный?

– Дважды разведенный! Детей нет. И пока безработный.

Из клиники я ушел.

– Спятил, малый?! Ты же ее практически создал!

– Не хочу! Там столько дерьма обнаружилось... Когда с утра до ночи оперируешь, общаешься с больными, ничего, в сущности, не замечая, это одно. А как поглядишь со стороны... Простите, а как к вам обращаться?

– Регина. Без отчества, конечно. Франция, Израиль... Отвыкла.

– Но вы так хорошо говорите по-русски.

– Родилась в Ленинграде, вышла замуж за француза. Года через четыре ушла от него, не смогла... Но оперировала уже, репутацию заработала... Вот что я скажу тебе, друг мой, никогда не женись на иностранке!

– Я вообще больше не собираюсь жениться, – улыбнулся

Игорь Анатольевич. – С меня хватит.

– А жилье-то у тебя есть?

– Есть, слава богу, однушка на Ленинском. Мне хватит.

– А ты почему не купаешься? Вода же теплая...

– Я купаюсь, просто с вами заболтался... А вы?

– Я не купаюсь, не тянет. Тут медузы бывают, а я их до смерти боюсь.

– Не видел ни разу. Вот что, Регина, я пойду искупаюсь, а потом хочу пригласить вас выпить кофе. Тут неплохая кафешка...

– Спасибо, коллега, это очень мило с твоей стороны, но вынуждена отказаться. Мне уже домой пора. Я с сестрой живу, она будет беспокоиться.

– Но можно же позвонить...

– А тогда она будет сердиться. А ты лучше пригляди себе кого помоложе. Думаю, еще увидимся, я тут часто бываю. Ну, будь здоров, коллега!

Она быстро собрала вещи и направилась к кранам, где можно было ополоснуть ноги. А он побежал к воде.

Ох, хорош мужик, думала Регина. И почему так? Все Бог дал – и талант, и внешность, и карьеру сделал, и вот на тебе, тремор. Я ему наврала, что у меня он тоже был, но прошел... Не было его у меня. Да, я знаю, что иной раз тремор проходит, но вопрос в том, сколько практикующий хирург может не оперировать, чтобы не утратить навыки, не поддаться страху... Ох беда, жалко мужика... Он мне так понравился. Эх, была бы я молодая... На край света за таким можно. Но в мои семьдесят даже смешно, дура старая!

По пути домой Игорь Анатольевич подумал: а надо мне как-нибудь пригласить в кафе тетю Розу. Не все же ей у плиты стоять. А пока он решил только выпить кофе в пляжном кафе. Заказал двойной эспрессо и с наслаждением отхлебнул глоток.

– Извините, пожалуйста, – обратился к нему по-русски мужчина лет тридцати пяти, – вы доктор Симачев?

– Да. Мы знакомы?

– Можно и так сказать. Вы моего отца оперировали. Буквально с того света вытащили. Я так вам благодарен!

– А кто ваш отец?

– Бурковский Михаил Михайлович, помните?

– Извините, а какая операция была?

– Замена аортального клапана, его по скорой привезли...

– Мы еще кардиостимулятор установили ему, да?

– Именно!

– И как ваш отец себя чувствует?

– Да слава богу! Уже три года прошло, он и думать забыл обо всем. Вот только вас всегда вспоминает, говорит: лучший хирург в России – доктор Симачев!

– Рад слышать. Передавайте привет вашему отцу.

– Непременно! И еще раз спасибо вам, доктор! Сейчас же позвоню отцу в Москву!

– Всего вам доброго.

– ...Тетя Роза, я пришел!

– Ну как, накупался?

– Да, и не только в море.

– Господи, а где же еще?

– В лучах славы!

– То есть?

Он рассказал тетке о сегодняшних событиях.

– Я горжусь тобой, Игоречек! – почти прослезилась тетка. – Ты, конечно, великий хирург, но самый умный посту-

пок в твоей жизни знаешь что? То, что ты приехал ко мне. Я уж тут было совсем разнюнилась, все одна и одна. И позаботиться не о ком, мои-то как уехали в Канаду, так, считай, и сгнули... И за каким чертом меня из Москвы уволокли? Им тут, видите ли, не понравилось, а я при чем? Мамочка, вот устроимся, заберем тебя... Уж три года прошло, все никак не устроятся. Да я и не хочу туда, опять все снова-здорово. Тут я хотя бы освоилась более или менее, на иврите маленько наблатыкалась, мне хватает. А там? Английского не знаю...

– Тетя Роза, а вы гражданство сохранили?

– Да, и что с того?

– Так, может, вернетесь?

– А куда? Квартиру-то мы продали... Правда, пенсия мне там идет. Раз в год одна моя родственница забирает ее и мне пересылает. Все ж за год приличная сумма набегает... А к чему это я? А, вспомнила, это я радуюсь, что ты ко мне приехал...

– А я тоже рад, тетя Роза. Мне хорошо у вас...

– Надо тебе все-таки страну посмотреть. В Иерусалим съездить, на Киннерет...

– Обязательно, это у меня в планах, но пока хочу по Тель-Авиву походить пешком. Люблю по незнакомым городам пешком топтать.

– А не заблудишься?

– Да нет, у меня в телефоне навигатор есть. К тому же

тут столько русских, язык до дому доведет. Да у меня и с английским все в порядке.

– Это ты молодец. Ну что ж, гуляй сколько хочешь, пока хамсина нет. А жары ты вроде бы не боишься.

– Даже люблю.

– А я ненавижу. Только и жизни с ноября по март. Правда в доме холод собачий. Эти каменные полы...

– Одним словом, нет в жизни счастья? – улыбнулся доктор Симачев.

– А разве есть? – горько проговорила тетка.

Он только руками развел.

На другой день, рано утром, когда тетка еще спала, Игорь Анатольевич оставил ей записку «Пошел топать по Тель-Авиву».

Он вышел из дому, прошел немного до улицы Бен-Йегуды. Он уже знал, что это очень оживленная улица, но в этот час было еще малоллюдно, зато на каждом шагу встречались собачники. Если в течение года тремор не пройдет, заведу себе собаку. Я так люблю собак...

Но идти по этой улице не хотелось, и он свернул в узкую, очень зеленую улочку. Навстречу шла совсем молоденькая девушка с померанцевым шпицем на поводке. Дамская собачка, но очаровательная.

А я хотел бы... овчарку или хаски. Они такие красивые... Попадется какое-нибудь кафе, позавтракаю... Буду гулять, пока сил хватит, а то на пляже приходится общаться, а неохо-

та. О, вон там впереди, кажется, какое-то заведение...

Подойдя поближе, он рассмеялся. Это было еще закрытое уличное кафе-мороженое с высокими столиками, и на столиках сидели кошки! Каких их там только не было! И высокий седой человек ставил перед ними мисочки с сухим кормом. На тротуаре напротив стояла скамейка. Игорь Анатольевич сел и стал наблюдать. Приглядевшись, он заметил, что на оградке, состоящей из ящиков с какими-то цветочками, тоже сидели кошки, а возле ящиков со стороны улицы стояли плошки с водой. Какая прелесть, подумал он. Вскоре кошки стали постепенно спрыгивать со столов. И пошли пить. А хозяин вынес большой пузырь с каким-то чистящим средством и принялся мыть столики. Для людей!

Черт возьми, как хорошо!

Он поднялся и пошел дальше, пока не набрел на какое-то кафе. Сел на веранде, увитой виноградом, заказал кофе и горячий бутерброд с сыром, который оказался поистине гигантским и вполне вкусным. Пройдя еще несколько улочек, увидел прилавок с соками. Остановился, заметив среди фруктов, из которых тут же делались соки, папайю. После такого гигантского бутерброда выпить сок папайи – милое дело, хорошо способствует пищеварению. Сок был холодный и фантастически вкусный.

Что-то мне сегодня все нравится... Даже странно... Однако становится жарко. Надо купить что-то на голову, а то напечет.

Это не составило труда, и он купил белую бейсболку. Надел ее перед небольшим зеркалом, стоявшим на прилавке.

Ничего, неплохо.

– Вообще-то вам больше подошел бы пробковый шлем, но у меня, к сожалению, такого нет! – заметил по-русски молодой продавец.

– И славу богу, что нет, – засмеялся Игорь Анатольевич.

– Но вам бы пошло.

– Ну, я же не колонизатор и не плантатор.

– Вы турист. Откуда? С Москвы или с Питера?

– Из Москвы.

– Вам израильское гражданство не светит, разве что женитесь на еврейке. Но не советую.

– Жениться на еврейке? – засмеялся Игорь Анатольевич.

– Это тоже не подарок, но я про гражданство.

– Да я и не думаю.

– Вот и не думайте! А то понаехали сейчас...

Игорь Анатольевич расхохотался и пошел дальше. Побрел до красивого бульвара со странными деревьями с перекрученными стволами и сел на лавочку отдохнуть. Глянул на часы с шагомером. Выяснилось, что оттопал уже одиннадцать километров. Неплохо. Скамейка была в тени. Он вытянул ноги и закрыл глаза. И вдруг сквозь дрему услышал чье-то порывистое дыхание. Открыл глаза. Перед ним сидела собака. Хаски! И улыбалась!

– Господи, ты откуда?

Собака продолжала улыбаться. Он погладил ее.

– Ты чья? Мне даже нечем тебя угостить... Ты такая милая... Ты всем улыбаешься? Просто такая приветливая? На бездомную ты не похожа... Или ты потерялась?

Но тут где-то неподалеку раздался свист, и чудная собака сорвалась с места и побежала на зов хозяина.

Если заводить собаку, то хаски, эти голубые глаза, эта улыбка... Чудо!

И тут он увидел, что две немолодые полные дамы ловят такси. В Москве уже так такси не словишь. А тут к дамам подъехала машина. Они сели и уехали. Здорово! Надо иметь в виду...

Но домой пока не хотелось. Кажется, впервые лет за тридцать. Он может вот так, неспешно и бездумно, смотреть по сторонам, примечать какие-то ничего не значащие вещи. Почему на этом бульваре у деревьев так причудливо перекручены стволы? Ах, да какая разница! Скорее всего это от ветра. Тут, вероятно, бывает ветер с моря такой силы...

А вот прошла мимо женщина с выводком детишек, целых пять штук, мал мала меньше. Женщина в нелепой длинной юбке и с какой-то некрасивой повязкой на голове. Он уже знал, что так выглядят жены ортодоксов. Занятно... А вот прошли мимо две хорошенькие девицы лет по двадцать, в коротюсеньких шортах.

Ни одна жилка в нем не дрогнула. Это уже не мое... А что мое? Ни-че-го! Ничегошеньки у меня нет... И никого-

шеньки. И это хорошо. Свобода! Я никогда, с самого детства, не был свободен, так абсолютно свободен... Всегда жил под грузом каких-то обязательств, надо идти в детский сад, потом в школу, в институт. На работу... Нет, о работе не нужно даже вспоминать.

По работе он тосковал. Ему нередко снилось, что он подходит к операционному столу и вдруг роняет скальпель... Дурная примета... Он всегда ощущал что-то вроде вдохновения, подходя к столу, и чем сложнее был случай, тем больше был азарт и тем виртуознее он работал.

Нет, о работе сейчас думать нельзя, тут так хорошо, буду наслаждаться свободой, надо отпустить ситуацию... Это иной раз здорово помогает.

Захотелось есть. Он взглянул на часы. Половина третьего. Как раз время обеда. Поест в Тель-Авиве не проблема. Он поднялся, прошел немного по бульвару и справа заметил итальянский ресторанчик. Вот и хорошо!

Там было довольно много народу, на открытой террасе мест не было. Он заглянул в зал. Там места были, но хотелось сидеть на воздухе.

Ладно, пойду дальше, авось пристроюсь где-то.

Но тут один столик на террасе освободился, и он поспешил занять его, хоть столик был еще не убран. Молоденький парнишка-официант быстренько убрал со стола и сунул ему меню на иврите. Игорь Анатольевич усмехнулся про себя и попросил меню на английском. Но парнишка принес ему ме-

ню на русском.

Набор блюд был традиционным для итальянских заведений невысокого ранга. Он заказал спагетти-болоньезе, томатный сок и кофе с мороженым. Сок подали очень быстро. Игорь Анатольевич отпил глоток. За соседним столиком сидела пара. Вальяжный мужчина, примерно его возраста, и женщина. Ее возраст определить было трудно из-за больших солнечных очков и густых каштановых прядей, падавших на лицо. Кого-то она ему напоминала. Но вот женщина сняла очки. Нет, я ее не знаю, но она похожа на Анюту, одноклассницу, в которую я был влюблен классе в девятом. Смешная была девчонка, хорошенькая и веселая, но на меня внимания не обращала. Эта женщина за соседним столиком тоже хорошенькая, но совсем не веселая. Выражение лица недовольное, пожалуй, даже обиженное. Он прислушался. Они говорили по-французски. Тоже олим хадашим. Он уже знал, что так называются недавние репатрианты.

Он был способен к языкам, но у него никогда не было времени, чтобы ими заняться. Английский он освоил еще в ранней юности, а больше и не надо было. Мама мечтала, что он станет переводчиком. Мама... Она умерла в тридцать семь лет от болезни сердца. И сын поклялся себе, что станет врачом. И будет спасать таких больных. Поклялся на маминой могиле, когда пришел туда один, без отца и бабушки. И он сдержал клятву, спас много жизней, а теперь...

Он посмотрел на свои руки. Они дрожали. Черт побери,

как я буду есть спагетти? А впрочем, справлюсь как-нибудь. С вилкой, ножом и ложкой, как-нибудь... К тому же, никто тут на меня не смотрит. Кому интересен немолодой дядька в бейсболке, который ест спагетти? Их мало кто умеет правильно есть.

К нему вдруг подошел официант и начал что-то говорить на иврите. Игорь Анатольевич заговорил с ним по-английски. Парнишка растерялся. Но тут женщина, похожая на Анютку, пришла на помощь и сказала по-английски:

– Он говорит, что у них кончились спагетти, предлагает взять пенне с соусом болоньезе, там что-то с поставщиком...

– Пенне? – обрадовался Игорь Анатольевич, – пусть будет пенне, – улыбнулся он официанту, а заодно и женщине. – Спасибо за помощь.

– Ерунда, – без улыбки ответила она.

С пенне он справился без труда. Надо же, какая удача! Чтобы в итальянском заведении кончились спагетти... Невероятно. Невероятно, но факт! А это хороший знак! Как многие хирурги, он был суеверен. Настроение поднялось. Обед в результате доставил ему большое удовольствие. Любезная дама с мужем весь обед просидели, глядя каждый в свой телефон. Игорь Анатольевич ненавидел эту манеру. Если он видел, что кто-то из персонала его отделения пялится в телефон, то подходил и спрашивал тоном, от которого у подчиненных стыла кровь в жилах: «Что, дела уже все переделаны?» Он не орал, но лучше бы орал благим матом, или про-

сто матом... Его боялись как огня, хотя знали, что в сущности он добрый. Пациенты его обожали, коллеги-хирурги побаивались и безмерно уважали. В его отделении не работали молоденькие медсестрички, только опытные тетки лет под пятьдесят, а вот молодые врачи мужского пола были счастливы попасть к нему в обучение.

– Игорь Анатольевич, – говорил кто-то из них, – у меня завтра замена митрального...

– Ты ж уже делал такое...

– Игорь Анатольевич...

– Хочешь, чтобы я пришел?

– Если можно... Мне спокойнее будет, пациенту семьдесят два...

– Ладно, приду, – отвечал он, если самому не предстояло завтра оперировать. И всегда держал слово, приходил.

Неужели все это в прошлом? Но сегодняшняя история со спагетти вселила в него надежду, как ни глупо это звучало. Он расплатился и пошел по бульвару куда глаза глядели. Вышел на неширокую торговую улицу. Посмотрел по навигатору и выяснил, что улица ведет к морю. Отлично! Здесь сплошь были магазины. Но ему ничего не было нужно. Он вспомнил, как липла ко всем витринам его вторая жена Зина, когда ей удалось однажды вытащить его на неделю в Прагу. В конце концов он не выдержал и сказал: «Иди дальше одна. Я не могу! Я просто погуляю. Встретимся в гостинице». Она с радостью согласилась.

Он выпил пива. Съел парек в рогличку¹, побродил по красивому, но оставившему его равнодушным городу и вернулся в гостиницу. И завалился спать. Через два года он приехал на какой-то конгресс, и город буквально восхитил его, показался удивительно уютным. Смешно, ей богу...

А до Зины была Яна, жгучая брюнетка, очень красивая. Тогда еще был жив отец. Он посмотрел на будущую невестку и сказал, покачав головой:

– Чересчур жгучая, чересчур красивая... Долго с таким типом, как ты, не выдержит.

– Почему?

– Ты весь в своей медицине, ей станет скучно...

И как в воду глядел. Она ждала чего-то другого от этого брака... Но не дождалась и уехала в Англию. Ну и бог с ней!

Какое счастье, что сейчас я свободен от брачных уз! А то приходиться домой и видеть или злые, или сочувствующие глаза жены, в сущности, совсем чужой женщины...

Обе жены были совершенно чужими... Не создан я для семейной жизни и детей, слава богу, не завел, куда мне с моим-то характером. А разве у меня плохой характер? В больнице так не считали, а там и был мой дом...

Море сегодня было бурным, купаться запрещали черные флажки на спасательных вышках. Зато было множество серфингистов с парашютами. Игорь Анатольевич не знал, как

¹ Сосиска в рогалике.

они называются, но это было красиво.

Как много я в жизни не знаю...

Он медленно шел по набережной. Увидел ребят, которые довольные шли навстречу и лизали мороженое. Ему нестерпимо тоже захотелось мороженое. Он проследил взглядом, откуда ребята шли. Там было какое-то кафе. Он спустился по пандусу.

Ага, вот тут можно съесть вожаденное лакомство, сидя за столиком на песке, а можно купить что-то из стандартного стеклянного ящика и пойти вдоль набережной, облизывая мороженое, как в детстве. Так он и сделал.

Хорошо! Что это я? Я, кажется, наслаждаюсь жизнью?!

Вдруг у него зазвонил телефон. Тетя Роза.

– Игоречек, где ты целый день шляешься? С тобой все в порядке? Я же волнуюсь! Ты небось голодный?

– Что вы, тетя Роза! Докладываю по пунктам: я шляюсь по городу, обедал, сейчас ем мороженое на набережной, купаться сегодня нельзя, я просто наслаждаюсь соленым ветром.

– Тебе хорошо? Ты наслаждаешься? Ничего лучше ты мне сказать не мог! Ну шляйся себе на здоровье. Но не ужинай, приходи домой, я стотвила мясо с черносливом!

– О, это заманчиво! Буду!

– А ты там, часом какую-нибудь барышню не подцепил?

– Ох нет, – рассмеялся он, – пока бог миловал!

– Всему свое время, очевидно, – мудро заметила Розалия

Моисеевна. – Ну, гуляй, детка!

Деткой его не называли уже лет тридцать... Вот бы услышали эту «детку» его прежние подчиненные, то-то смеху было бы...

Он шлялся еще почти три часа, но вдруг ощутил такую усталость, как будто целый день не отходил от операционного стола. Ноги гудели, спину ломило. Вот нагулялся! Он взглянул на свои часы с шагомером. Ничего себе, девятнадцать километров!

Звонить в дверь он не стал, тетка, скорее всего, смотрит телевизор. Открыл своим ключом и сразу услышал голоса на кухне. Второй голос был тоже женским. Дамы смеялись.

– И что ты сделала? – сквозь смех спросила Розалия Моисеевна.

– Опрокинула ему на башку кастрюлю борща!

– Горячего? – ужаснулась тетка.

– Да нет, холодного. Никакого ущерба здоровью. Только моральный ущерб! Он так визжал! – мелодично рассмеялась собеседница Розалии Моисеевны.

Игорь Анатольевич представил себе эту картину и ему стало смешно. Но подслушивать чужие разговоры нехорошо.

– Тетя Роза! Я пришел! – Он громко хлопнул входной дверью.

– Ох, Игоречек, наконец-то! Мой руки и будем ужинать!

Их кухни послышалось, как отодвинули стул по каменному полу.

– Розочка, я побегу!

– Нет, Оксанка, не уходи! Поужинай с нами, познакомься с моим племянником...

– Да неудобно как-то...

– Что за чепуха, очень даже удобно!.. Вот он, племянник, Игорь, великий хирург. А это Оксана, моя соседка!

Соседка была очень недурна собой. Темные в рыжину густые волосы, очень белая кожа, большие зеленые глаза.

– Очень приятно. – Игорь пожал протянутую руку. – Как вам удалось при здешнем солнце сохранить такую белую кожу?

– Стоит невероятных усилий! – засмеялась она.

– Господи, Игорек! У тебя такой усталый вид... – ахнула, взглядевшись в него, тетка.

– А я сегодня оттопал девятнадцать километров.

– Господи помилуй! – всплеснула руками она. – Садись скорее, буду кормить! И ты садись, Оксана.

– Нет, Розочка, я ведь не ужинаю! А у вас все так вкусно, что я непременно оскоромлюсь и потом буду себя клясть. Нет уж, побегу! До свидания, рада была познакомиться!

– Ну что с тобой делать! Иди уж. Ох эти мне диеты...

Оксана ушла.

– Как она тебе?

– Красивая. Но в остальном еще не разобрался.

– Мужа недавно прогнала. Художник, говорят, неплохой. Но я в этом не понимаю. Спутался с ортодоксами, стал тре-

бовать, чтоб Оксанка приняла гиюр и все в таком роде: чтоб готовила кошерное. Вот она ему на башку кастрюлю с борщом и вылила.

– Он ушел?

– Ушел, слава богу!

– Какие страсти тут кипят... А борщ горячий был?

– Да нет, к счастью, холодный. Но она сняла эту сцену на телефон, умора!

– А она работает?

– А, заинтересовался?

– Да нет, обыкновенное любопытство.

– Ну, вообще-то она музыкантша, преподаватель. Здесь же работает парикмахером. Кстати, классный парикмахер...

– Ааа...

– Ну, рассказывай, где ты сегодня шлялся?

– Да я шел, куда ноги несли, а на одной улочке наблюдал, как владелец кафе-мороженого кормил завтраком целое стадо кошек... Каких там только не было...

– Знаю это кафе, это на Фришман.

– Да-да, именно. Приятная улочка...

– Но ты сегодня не купался, руки в песке не грел, это неправильно!

– Нет, руки немножко погрел, а купаться сегодня было нельзя. Черные флажки... Какое вкусное мясо, с ума сойти... Вы просто волшебным образом готовите, тетя Роза!

– Да ты неизбалованный мальчик. Твои жены плохо гото-

вили?

– А я уж и не помню, я почти всегда обедал в больнице, по крайней мере, здоровое питание.

– Скажи, детка, а ты не мог остаться в своей больнице каким-нибудь консультантом? С твоим-то опытом?

– Консультантом-инвалидом? Чтобы на меня смотрели с жалостью? Нет уж.

– Но как же...

– Ничего, тетя Роза, найду я себе применение, вот побуду еще недельку-другую у вас, если не прогоните, а потом поеду в Питер, меня звали преподавать...

– Да живи ты здесь, сколько хочешь, мне только в радость.

Как странно, думала Оксана. У него такое приятное доброе лицо, улыбка хорошая, вот не думала, что хирурги могут так выглядеть... Да еще кардиохирурги... Мне казалось, они должны быть суровыми, даже угрюмыми... Оперировать сердце... Бедный, руки и вправду дрожат, не сказать, чтоб сильно, но все-таки... И загорел он хорошо, хоть и рыженький... Да ладно, не желаю я больше думать о мужиках, хватит с меня. Одно расстройство от них... Заведу лучше собачку...

Мужчина, облитый борщом, был вторым ее мужем. Из любви к нему она согласилась переехать в Израиль, куда он вдруг начал рваться с неистовой силой. Ну что ж, решила она, поедем, сейчас ведь в любой момент можно вернуть-

ся... Продавать свою квартиру она отказалась категорически, хоть муж и настаивал.

– Что за дурь! Никогда я не вернусь сюда!

– Это твое личное дело, а я, например, не уверена, что приживусь там, такой тяжелый климат...

– Это называется любовь? Что сказано в писании? Жена да прилепится к мужу...

– А вдруг в тамошнем климате я отлеплюсь?

– Эти твои дурацкие шутки! Ты ведь уверяла меня, что любишь без памяти...

– Так ты меня тоже уверял в своей неземной любви, а теперь...

– Что теперь? Я просто хочу уехать из этого слякотного климата, мне необходимо солнце...

И все-таки она настояла на своем, квартиру не продала, а сдала, а поскольку квартира находилась в хорошем районе и была в отличном состоянии, сдать ее удалось очень неплохо, и сей факт примирил мужа ситуацией. Оксана пыталась найти работу по специальности. Но увы, это ей не удалось. Подружка устроила ее на курсы парикмахеров, к великому возмущению мужа. Дело у нее вдруг пошло, она стала лучшей ученицей в «Студии парикмахерского искусства», открытой знаменитым парикмахером, эмигрантом из Франции. Его звали Марсель Бриссар, и он был геем. Бриссар высоко ценил способности ученицы из России и выдавал ей какие-то свои секреты, которыми не делился с другими учени-

ками.

– Я должен кому-то передать эти секреты, но не желаю, чтобы ими пользовались бездарные ремесленники. А ты художник!

– Да ладно, какой я художник, я в парикмахеры с горя пошла, а вовсе не по призванию.

– Так бывает, что человек случайно находит свое призвание...

Призвание?.. Она не чувствовала, что это ее призвание, но работала с удовольствием. Ей нравилось делать женщин красивыми, приятно было видеть радостные улыбки в зеркале после ее слов: «Ну вот и все!» Конечно, иной раз попадались капризные и даже скандальные клиентки, но это неизбежно. С Марселем они подружились, Оксана хорошо говорила по-французски, иврит у обоих был неважный. Но администратор в салоне Валечка, живущая в Израиле больше двадцати лет, прекрасно владела языком, поэтому особых трудностей с носительницами иврита не возникало. Короче, поскольку благодаря Марселю салон считался элитным и был достаточно дорогим, Оксана неплохо зарабатывала. Расставание с мужем не принесло ей ничего, кроме облегчения. Ей казалось, что она его любила, там, в Москве, когда он был нормальным, как она считала, а тут он, похоже, спятил... И зачем мне с ним жить? Тем более, что выплеснутый на голову борщ подвел финальную черту под их браком. Ну и слава богу.

А этот рыженький доктор симпатяга. Улыбка хорошая, но

воображаю, какие там комплексы возникли в связи с болезнью... Нет, спасибо, как в детстве говорили: «Чур меня!»

А Игорь Анатольевич и думать забыл о красивой парикмахерше. Утром тетя Роза сказала за завтраком:

– Сейчас отправляйся на пляж, передали, сегодня море спокойное. А завтра утром поедешь с экскурсией в Иерусалим. Каждый культурный человек обязан там побывать. Это мой тебе подарок.

– Тетя Роза! – смутился он. – Я и сам собирался... Зачем вы...

– Сам съездишь на Киннерет! Ну и куда еще захочешь. Я дам тебе телефон Светочки из турагентства...

– Что ж, спасибо вам огромное, тетя Роза! Но в таком случае я вас приглашаю сегодня вечером в ресторан итальянский, «Эрнесто».

– Зачем в ресторан?

– Мне хочется пригласить вас...

– Да ладно, хочется ему... Как может хотеться вести в ресторан старую тетку! Пригласи лучше Оксану!

– Еще не хватало! С какой стати мне ее приглашать? Даже и не подумаю!

– Ну ладно, пойдем, если ты настаиваешь...

– Я настаиваю! Но, может, вы не хотите в «Эрнесто»?

– Да почему? Я слыхала, хороший ресторан...

– Ну, тогда я пошел на пляж.

– К обеду жду тебя!

– Буду!

Море и впрямь было почти спокойным. Игорь Анатольевич сразу побежал в воду. Она была теплой, ласковой. Он поплыл. Сколько лет я не был на море? Лет семь-восемь... А это одно из высших наслаждений в жизни. Но работа, работа... Она заменяла все... От всего спасала... С ней любая неприятность и даже горе, такое как смерть отца, переживалось легче. Нескончаемый поток пациентов, испуганные глаза всех, кому он выносил приговор: «Надо оперировать!»

Он вылез из воды и плюхнулся животом на старенький плед, выданный тетей Розой. Узнав, что он берет на пляже лежак, она была возмущена до крайности:

– Ты что, Абрамович? Это ж какие деньги! Вот тебе хороший пледик, я его еще из Москвы привезла. Ишь миллионер нашелся!

Пришлось подчиниться, тем более что лежаки и впрямь стоили недешево. Хотя деньги у него еще были, но работы пока никакой.

А, ладно, что-то придумается... Не буду пока заморачиваться... Средиземное теплое море, солнце, горячий песок, ласковая тетушка, которая искренне мне рада, буду пока наслаждаться всем этим.

Он задремал, лежа на животе, и вдруг на спину ему вылилась вода. Он вскочил как ужаленный. Рядом с ним стояла девочка лет пяти и улыбалась совершенно по-хулигански.

– Ты чего? Зачем это сделала?

Девочка явно его не понимала. И продолжала улыбаться. Он невольно тоже улыбнулся. Девочка была хорошенькая, темноволосая и темноглазая. Поняв, что незнакомый дядька не сердится, она протянула ему ладошку. Он осторожно пожал ее. Ладонка была в песке. Он заговорил с ней по-английски. Она тоже не поняла.

– Манишма²! – сказал он.

Девочка просияла:

– Бесседер, адони!³

И затараторила на иврите.

Он в растерянности огляделся по сторонам. Девочка вдруг повернулась и припустилась бежать. Он пожал плечами. Не очень-то он умел обращаться с детьми, тем более с иноязычными. Взглянул на часы, пора возвращаться. Солнце уже палит нещадно. Смыв с себя песок под холодным душем, он оделся и пошел домой.

Уже подойдя к дому Игорь Анатольевич на секунду замешкался и вдруг услышал из кустов возле подъезда жалобное мяуканье. Так мяукать может только совсем маленький котенок. Это было даже не мяуканье, а скорее стон. Он раздвинул кусты и увидел котенка. Тот запутался в тонкой проволоке, которой был подвязан куст, и не мог выбраться.

² Как дела? (*ивр.*)

³ Хорошо, дяденька! (*ивр.*)

– Ах ты господи, бедолага!

Игорь Анатольевич наклонился и осторожно выпростал маленькое тощенькое тельце. Котенок вжался в его ладонь.

– Ты что, ничей? Голодный наверное? Что ж мне с тобой делать? – он осторожно погладил котенка. – А пойдем к тете Розе. Она покормит и присоветует, что с тобой дальше делать... Помыть тебя не мешает... А может, она тебя оставит, она добрая...

Он позвонил в квартиру. Дверь быстро открыли.

– Ой, мамочки, где ты взял это чудо? – воскликнула Розалия Моисеевна.

– Вы не сердитесь, что я его принес? Он в кустах плакал... Я не смог пройти мимо...

– Да ты что, глянь, какой лапочка, тоже рыженький... А худенький какой, я сейчас ему молочка налью...

И Розалия Моисеевна решительно забрала у него котенка.

– Завтра покажем его ветеринару. Ох, смотри, Игорек, как он лопает! Как мы его назовем? Интересно, он мальчик? Глянь, ты же доктор!

Игорь Анатольевич глянул, но ничего не понял.

– Да вроде девочка, – неуверенно пробормотал он. – И глазки, я смотрю, чистые... Здоровенький, похоже.

– А ты молодец, что взял его. Или ее. Жалко малявку, сил нет... Я сейчас его помою...

– Нет, я сам, – неожиданно для себя заявил Игорь Анатольевич. Он взял котенка и понес в ванную, посадил в ра-

ковину. Розалия Моисеевна принесла старенькое полотенце. Как ни странно, малыш не сопротивлялся, терпеливо пережил водные процедуры.

– Боженьки, до чего тощий... – причитала Розалия Моисеевна. – Ты пока его мыл, я уже записалась на завтра к ветеринару. На одиннадцать часов.

– Здорово!

– Ох, мы тут с малым завозились, а ты у меня некормленный! – спохватилась тетка. – Сейчас-сейчас!.. Возьми пока в стенном шкафу обувную коробку, вот тебе сухое полотенчишко, и сделай ему гнездышко.

Игорь Анатольевич все исполнил, положил котенка на мягкую подстилку, но тот молча переживший мытье, вдруг опять заплакал.

– Ну ты чего? Тебе неудобно тут? Зря! Ааа, ты опять на ручки хочешь?

Котенок продолжал жалобно мяукать.

Игорь Анатольевич взял малыша на руки. Тот сразу же умолк. И вдруг громко замурлыкал. У хирурга с мировым именем в горле стоял комок.

– Игорь, иди, все готово! А котенка зачем принес?

– Он плакал, на ручки просился.

– Видели бы сейчас тебя твои ассистенты... Детей тебе надо, Игоречек... Вон как расчувствовался от котенка...

– Да нет, тетя Роза, я с детьми не умею.

И он рассказал тетке про давешнюю девочку на пляже.

– Да просто малолетняя хулиганка, – рассмеялась Розалия Моисеевна. – Видно, ей твоя спина веснушчатая глянулась.
– Скажете тоже, – фыркнул он.

У них с теткой было договорено, что посуду моет Игорь Анатольевич. Он даже любил это занятие. Под горячей водой руки не дрожали. И вдруг он вскрикнул. Котенок залез под брючину и начал карабкаться по голой ноге.

– Ах ты мерзавец!

Он достал котенка и хотел опустить на стул, но тот вцепился в его футболку и повис на ней...

– Игорек, терпи, и запомни: ты в ответе за него теперь, вроде как приручил его.

– Это вы на «Маленького принца» намекаете?

– Конечно!

Котенок между тем ловко вскарабкался на плечо к хозяйнику и громко замурчал.

– Наверное все-таки это девочка, – сказала Розалия Моисеевна.

– Почему вы так решили?

– Девочки обычно влюбляются в своих спасителей!

Всю ночь котенок проспал на подушке у Игоря Анатольевича. А утром тетка заявила, что к ветеринару она пойдет одна, а Игорек пусть отправляется на пляж.

– А котейку твоего я в сумку посажу, не сбежит.

– Котейку? Какое славное словечко! Сроду не слышал. Но

я все же пойду с вами.

– Зачем ты там нужен, ветеринар ни слова по-русски не знает, как и ты на иврите.

– Может, он говорит по-английски?

– Чего не знаю, того не знаю.

– Ладно, я все равно пойду с вами. Узнаю там, какие котейке документы нужны.

– Какие ему документы, ты что?

– Ну, чтобы вывезти его в Москву... – вдруг покраснел Игорь Анатольевич.

– Ты собираешься взять его в Москву?

– Да, тетя Роза, я решил... Он так ко мне льнет...

Розалия Моисеевна хотела что-то возразить, но, взглянув на племянника, промолчала. Ей стало невыносимо жалко этого крупного сильного мужика, очень, на ее взгляд, по-мужски привлекательного, к которому, похоже, никто не льнет, кроме случайно подобранного котенка...

Ветеринар хорошо говорил по-английски. Выяснилось, что котейка все-таки мальчик, вполне здоровенький, нуждавшийся только в профилактических прививках и в хорошем питании. По дороге домой они наведались в магазин зоотоваров. Котейка ни за что не желал сидеть в сумке, и Игорю Анатольевичу пришлось всю дорогу нести его на руках.

– Вот, братишка, тут даже за пазуху тебя не сунешь, в этом климате пазухи нет, – радостно смеялся столь счастливо обретенный хозяин котейки. – Как бы тебя назвать, братишка?

– Да чего проще, назови Рыжиком, тебя в детстве тоже Рыжиком кликали.

– А я не помню...

– Ты тогда совсем маленьким был, а потом твоя мама запретила так тебя называть, говорила: «Мой сынок вам не гриб!» А в школе тебя Рыжиком не звали?

– Рыжиком нет, просто Рыжим, – засмеялся Игорь Анатольевич. – Но котейка пусть будет Рыжиком.

– А вот интересно, как ты теперь на пляж пойдешь?

Игорь Анатольевич растерялся.

– Вот что я тебе скажу, Бывший Рыжик, надо приучить его к тому, что ты уходишь. А то что ж это будет? Он подрастет, ты вернешься на работу, и будешь в операционную брать кота? Сам подумай!

Его лицо болезненно исказилось.

– И не делай такое лицо! Все у тебя наладится! Ни секунды в этом не сомневаюсь. И ты тоже не смей сомневаться! Слышишь? Не смей! А сейчас ступай куда-нибудь, оставь малого хоть на пару часов! Пусть привыкает! Кстати, завтра ты едешь на Киннерет! Это займет целый день.

– Ох!

– Ничего не ох! Я твоего малого не обижу, а ты потом еще скажешь мне спасибо!

– Я и так говорю вам спасибо с утра до вечера. Я тут другим человеком стал.

– Вот и славно! Мне тоже хорошо, когда ты рядом.

На глазах у нее выступили слезы.

– Тетя Роза!

И он ушел. День был пасмурный, и он отправился к морю, купаться.

Возвращаясь с пляжа, Игорь Анатольевич столкнулся с Оксаной.

– Здравствуйте, сосед!

– Ох, простите, от солнца ослеп немного, здравствуйте!

Вы с работы?

– Да, сегодня почти пустой день, клиентов мало. А я видела вашего Рыжика, хорошенький! Розалия говорит, вы его в Москву забрать хотите?

– Хочу! Я к нему привязался. Вот был на пляже, часа три его не видел, соскучился уже.

– Надо же! Вы кошатник?

– Выходит, так, хотя раньше и не подозревал об этом! – рассмеялся Игорь Анатольевич.

– А я вообще-то предпочитаю собак, но не могу себе позволить. Я же снимаю квартиру, а хозяин категорически запрещает... Ладно, сосед, всего вам доброго!

– И вам!

На другой день рано утром он отправился на экскурсию. Пейзажи в окрестностях озера Киннерет поражали поистине библейской красотой. Глядя на все это, невольно начинаешь

верить и в Христа, и в Марию Магдалину, и в воду, превращенную в пять хлебов, и во все остальное...

В Капернауме их завели в дивный монастырский сад, где на деревьях сидели и лежали бесчисленные коты и кошки, гладкие, сытые, наглые с виду... Игорь Анатольевич потянулся к толстому серому коту, почесал за ухом. Кот мило-стиво разрешил ему такую фамилльярность.

Кажется, я действительно, кошатник, с удивлением сказал он себе, кто бы мог подумать...

Коты были прекрасны. Он долго фотографировал их на телефон.

Среди пассажиров их автобуса была очень пожилая пара русских из Германии. Они трогательно держались за руки и мило всем улыбались. Когда автобус поднялся на гору Тавор, откуда Христос произносил свою Нагорную проповедь, экскурсовод, довольно занудная дама средних лет, стала рассказывать о дословном событии, старичок вдруг пошатнулся и невольно ухватился за стоявшую впереди женщину. Та вскрикнула, а старичок медленно стал сползать на землю. Игорь Анатольевич кинулся к нему.

– Отойдите, я врач! В автобусе должна быть аптечка!

Он стал предпринимать все, что требуется в подобной ситуации. Аптечку принесли очень быстро. Там было все необходимое.

– Вызывайте скорую! – скомандовал он экскурсоводу. – Немедленно!

Игорь Анатольевич собрался было сделать укол, но не решился, поняв, что руки предательски дрожат.

– Мне нужна помощь, кто-нибудь умеет делать уколы? – спросил он у окружающих. – Я не могу, руки дрожат... – признался он тихо.

Молодой парень заявил:

– Я могу! Что колоть?

Игорь Анатольевич протянул ему ампулу.

Парень быстро и ловко сделал укол. Старичок вскоре открыл глаза.

– Нюнечка! Где Нюнечка? – еле слышно прошепел он.

– Я тут, Боречка, я тут, тут! Слава богу, рядом доктор оказался... Тебе лучше?

– Да, полегче... Я устал просто... Сейчас полежу еще немного и встану.

– Не вздумайте! Сейчас приедет скорая. Надеюсь, они вас быстро отпустят, но вы уж больше не ездите на столь утомительные экскурсии, – сказал доктор Симачев.

– Я ему говорила, старые мы уже для таких эскапад... – горько посетовала Нюнечка. – Нам по восемьдесят уже...

Подъехала скорая. Боречку быстро осмотрели, погрузили в машину и увезли. Нюнечка, разумеется, поехала с ним.

– Слава богу, – с облегчением вздохнула экскурсовод. – И так уже из графика выбились... И чего в таком возрасте по экскурсиям разъезжать... Все, господа, занимаем места и едем!

– Извините меня, пожалуйста, – обратился к Игорю Анатольевичу парень, сделавший за него укол. – Вы ведь доктор Симачев?

– Откуда вы меня знаете? – удивился доктор.

– А я у вас практику в больнице проходил три года назад.

Вы такие чудеса творили...

– Увы, это уже в прошлом, – сухо произнес Игорь Анатольевич.

– Но тремор, бывает, проходит...

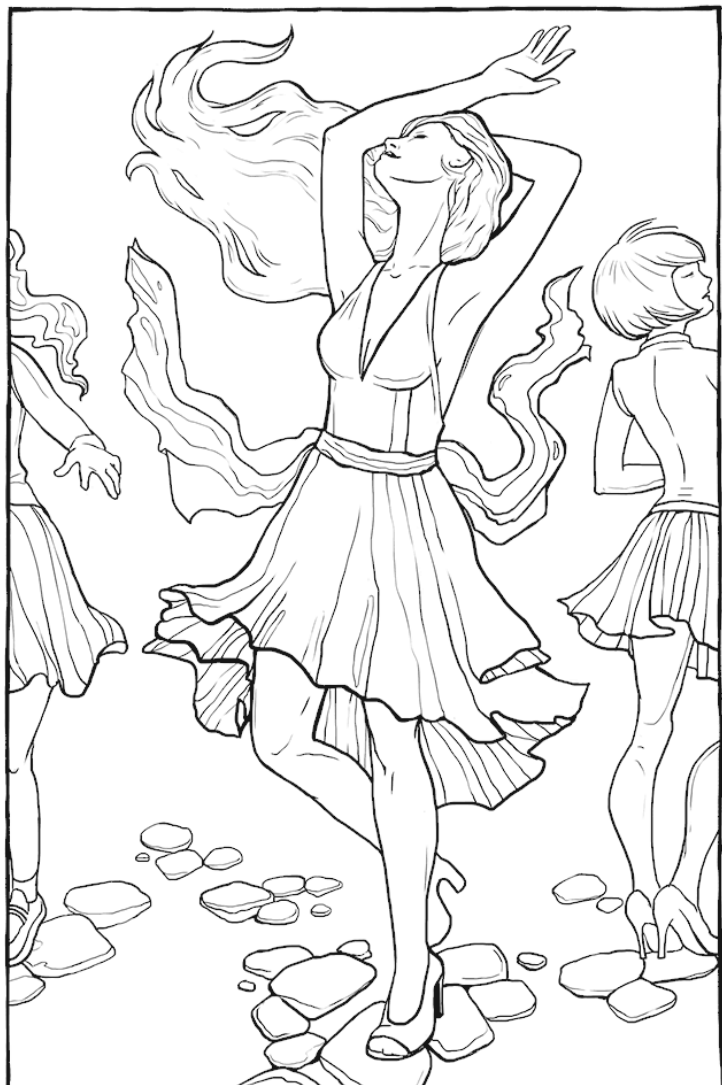
– Не всегда. Ничего, я найду себе применение, – вдруг улыбнулся он молодому человеку.

– Кто бы сомневался!

На другой день, в субботу, море было бурным, но купаться не запрещалось. Флажки были все же не черные, а красные. Игорь Анатольевич с наслаждением попрыгал в волнах, но плавать не решился. Позагорал, грея руки в песке, потом выпил кофе в пляжном кафе и, решив пойти домой другим путем, двинулся по набережной в сторону порта.

Народу по случаю субботы было очень много. Откуда-то доносилась громкая музыка, танцевальная, веселая. И вдруг его взору открылась удивительная картина: прямо на набережной на площадке перед каким-то отелем танцевало множество людей. Кто во что горазд. Вокруг стояла толпа зевак. Кто-то подходил поближе и вдруг тоже пускался в пляс. Это было так непосредственно, так весело... Игорь Анатольевич

подумал: вот молодцы евреи, пляшут несмотря ни на что... Вдруг взгляд его выхватил из толпы танцующих женщину в большой соломенной шляпе и в парео поверх купальника. На локте у нее висела соломенная пляжная сумка. Как она танцевала! Босиком! Но с каким изяществом и азартом. Видно было, что она наслаждается танцем. К ней прицепился какой-то мужик, но она мгновенно его отшила. Ей явно не нужен был партнер. Она танцевала для себя, видимо, выплескивая в танце что-то плохое, что мешало радоваться жизни. Лица ее Игорь Анатольевич не видел. И вдруг впервые за последние несколько месяцев поймал себя на том, что хочет эту женщину. У нее была отличная фигура, длинные загорелые ноги. И движения так сексуальны...

Что за мысли, инвалид? – со смехом спросил он себя. Да почему инвалид? Не сошелся же свет клином на кардиохирургии, даже для кардиохирурга! Я мужчина в конце-то концов, и должен найти себе применение. Пойду преподавать, буду консультировать, да мало ли что... А женщина все танцевала. Но надо же, какая неугомонная... И вдруг порыв ветра сорвал с нее шляпу. Темные волосы взметнулись. Ба, да это же Оксана, соседка! С ума сойти... Кто-то поймал ее шляпу, подал ей. Она кое-как нахлобучила ее и стала пробираться сквозь толпу.

– Оксана, здравствуйте! Вы потрясающе танцуете, просто загляденье!

– Вы смотрели? – засмушалась она.

– Глаз не мог оторвать, но в шляпе не узнал вас...

– А я сколько сюда хожу, ни разу знакомых не встречала. Потому, собственно, и отрываюсь тут... Только никому не говорите...

– Да кому же говорить? – рассмеялся он.

– Вашей тете.

– Хорошо, не скажу! А Рыжику можно? А то меня просто распирает от восторга!

– Вы серьезно?

– Абсолютно! Я в восторге! О, я придумал, как с этим быть! Мы могли бы сейчас где-то пообедать, поговорить. Как вам такая идея?

– А разве Розалия не ждет вас к обеду? – лукаво осведомилась женщина.

– А я сейчас ей позвоню, предупрежу. Она не будет в претензии.

– Только не говорите обо мне!

– Как угодно даме!.. – он уже набирал: – Тетя Роза, я тут встретил знакомых...

– И не придешь обедать? – сразу же проговорила Розалия Моисеевна.

– Именно!

– Хорошо, что предупредил. Развлекайся, детка, – и сразу повесила трубку.

– Спасибо! – проговорил Игорь Анатольевич уже сам себе.

– Что она сказала? – полюбопытствовала Оксана.

– Сказала: «Развлекайся, детка!»

Оксана рассмеялась. Смех у нее был какой-то ужасно милый...

– Куда пойдем?

– Сейчас везде полно народу, но через полчаса все схлынет. Хотя я знаю тут на пляже одно место... Пошли!

– Пошли!

Она привела его в пляжное кафе, где часть столиков стояло прямо на песке под большими зонтиками.

– Я тут как-то пил кофе...

– Здесь еда немудрящая, но вполне вкусная.

Им сразу же подали меню на иврите.

– Попросить английское меню? Русского тут нет.

– Если можно.

В меню было совсем немного блюд.

– Что посоветуете?

– Я тут люблю фиш энд чипс. Вкусно. Но вам, как врачу, это может показаться ужасно вредным.

– Я же не диетолог, – засмеялся он. – И люблю вредное...

Так что с удовольствием возьму фиш энд чипс. Я это ел в Лондоне, был там на научной конференции. Это было довольно вкусно...

– Вам понравился Лондон?

– Я был в такую жуткую погоду и всего два дня... Впечатления были размыты дождем.

– А я иногда так мечтаю тут о дожде...

– Расскажите о себе, Оксана!

– Зачем вам это?

– Интересно. Вы мне очень нравитесь, если честно.

Она улыбнулась. Ей явно было приятно это слышать.

– Если честно, вы мне тоже. Но что же вам рассказать...

– Все, что сочтете возможным.

– Ну, я из Москвы, окончила Гнесенку по классу скрипки, но на сольную карьеру даже не рассчитывала. Это как-то сразу было понятно. Да я и не рвалась, работала в эстрадном оркестре, правда, очень классном. И меня это устраивало, я человек без особых амбиций... Вышла замуж за коллегу, а

вот у него было много амбиций, но мало таланта... Ну сами понимаете, каково жить с таким человеком. Я выдержала год... Потом была попытка номер два. Правда, брак был гражданским. Он работал сисадмином в одной очень крупной фирме, и нам абсолютно не о чем было говорить. А потом появился талантливый художник, и вроде бы все с ним было хорошо, но он был одержим маниакальной идеей – во что бы то ни стало ехать на историческую родину. Я тогда была готова за ним хоть в огонь и в воду... И попала в пекло в буквальном смысле слова, такой чудовищный климат... Но ничего, привыкла, приспособилась... Правда, с работой было плохо, в результате переквалифицировалась в парикмахеры. Но тут меня неожиданно ждал успех, я даже выиграла два международных конкурса... Все вроде бы наладилось, но тут выяснилось, что мой муж тем временем связался с ортодоксами и стал требовать, чтобы я придерживалась всех правил кашрута, чтобы одеваться как подобает, и вообще... Короче, я его послала...

– И как я слышал, вылили целую кастрюлю борща на его ортодоксальную голову?

Она рассмеялась в ответ и продолжила:

– Было дело! А сейчас мне хорошо! Я неплохо зарабатываю, сама себе хозяйка... Знаете, мне нравится моя работа...

Тут им принесли заказ. На огромной тарелке лежало много кусочков обжаренной в панировке рыбы и гора жареной картошки. Выглядело все очень аппетитно. И еще поставили

на стол ведерко, полное узких разноцветных пакетиков.

– Это кетчуп, майонез и еще соус «Тысяча островов».

Кроме того, на тарелке стояли еще две соусницы. Соус там был прозрачно-красный и белый.

– Эти на тарелке довольно острые, – предупредила Оксана, взяла рукой кусок рыбы и, обмакнув его в красный соус, с наслаждением съела.

Доктор Симачев последовал ее примеру и тоже стал есть рыбу руками. И картошку тоже.

– Правда же, так вкуснее? – спросила Оксана.

– Несомненно!

Они посмотрели друг на друга и начали хохотать.

– А еще я люблю есть руками сосиски! – заявила вдруг Оксана.

– Я тоже! Знаете, какая со мной была история в Берлине?

– Научная конференция?

– Нет, поездка к другу. Так вот, он повел меня в магазин «Карштадт», мне нужно было купить костюм для защиты диссертации, но не в этом дело. После покупок мы поднялись на последний этаж, поесть в ресторане самообслуживания. И вдруг я увидел там то, о чем слышал только от отца, который когда-то служил в Германии.

– И что это?

– Боквурст! Это такие сардельки, толстые. И, как уверял отец, самые вкусные в мире. И теоретически я знал, как их следует есть. С немецкой чуть сладковатой горчицей, белой

булочкой и запивать ледяной колой!

– Ой, даже звучит вкусно! – воскликнула Оксана.

– И есть их следует руками. А я, дурак, постеснялся, кое-как отпилил кусочек, сунул в рот и понял, что это мечта! Тогда я уже с силой нажал на тупой нож, и сарделька отлетела в сторону, приземлившись на решетку вентиляции возле окна.

– И что вы сделали?

– Кинулся за ней! Обтер салфеткой и слопал! Мой товарищ был в шоке, а я ему сказал тогда: «Ничего, Лешка, на полу микробы давленные!» Как мы хохотали...

– Да, смешно, особенно, учитывая тот факт, что вы хирург!

– А хирурги, по-вашему, не люди? К тому ж по этим решеткам никто не ходит... С тех пор прошло уже несколько лет, а я жив, как видите.

– А вам понравился Берлин?

– Очень! Там какая-то особая атмосфера, как мне показалось...

– А в каких еще городах вы были в Германии?

– Во многих. Я полгода стажировался во Франкфурте, успел кое-что повидать. Сам Франкфурт мне не понравился. Скучный какой-то... А вы, Оксана, много ездили?

– Да не очень. А почему вы один? Такой интересный мужчина...

– Я? – искренне удивился доктор Симачев.

– Ой, только не надо кокетничать...

– По-вашему, я кокетничаю? – ужаснулся он. – Нет, просто... Знаете, я всегда был одержим своей профессией, а сейчас... Сами видите... Приехал сюда, погреться, прийти в себя... Я дневал и ночевал в клинике. А уж когда стал заведовать отделением, вообще... Я думал только о работе, о том, чтобы молодые ребята, приходящие к нам в интернатуру, не балбесничали... У меня в отделении не было молодых медсестричек, только тетки за пятьдесят.

– Это чтобы соблазна не было?

– Конечно!

– Но ведь ваше отделение не на необитаемом острове находилось! А в других-то небось таких строгих правил не придерживались?

– Разумеется. Но это как минимум уже другой этаж...

– Вы и вправду такой наивный? – засмеялась Оксана. – При нынешних средствах связи...

– Мне один из моих учеников как-то сказал, что я из больницы делаю храм...

– Вот даже как...

– Но он сказал это с осуждением, был раздражен и даже зол на меня.

– И вы его не выгнали?

– Выгнал, практически с волчьим билетом, но не за это.

– А за что?

– За наплевательское отношение к пациентам. За хамство! – жестко сказал доктор Симачев.

Ого какой, подумала Оксана, а с виду просто лапочка, надо же...

– А хорошо тут, правда? – решила она перевести разговор.

– Тут, на пляже? – уточнил он.

– Ну да.

– Факт, очень хорошо...

– А когда вы уезжаете?

– Через десять дней.

– Хочется домой?

– Да нет, совсем не хочется... Хотя, думаю, с появлением Рыжика дом станет более уютным, – улыбнулся доктор.

– Ну, для уюта надо еще завести женщину. Я знаю, вы живете один...

– Женщину для уюта? В таком случае достаточно будет нанять домработницу. По крайней мере, не станет лезть в душу...

– По-вашему, я лезу вам в душу? – испугалась вдруг Оксана.

– Боже упаси! Я имел в виду совсем другое... Вы тут ни при чем...

Господи, что я несу! Я же невольно обхамил ее, а она такая привлекательная, милая...

– Оксана, простите меня, я тут наговорил черт-те чего...

– Да я понимаю. Вы боитесь посягательств на вашу свободу. У вас большой негативный опыт в общении с нашей сестрой. Но со мной вам нечего бояться. Я в Израиле, вы в

России. Я чувствую, что нравлюсь вам...

– Факт! Правильно чувствуете. Но вы мне не просто нравитесь... Вы мне чертовски нравитесь! Но я... я просто не знаю, как с этим быть...

Она звонко рассмеялась.

– Как там было у Пушкина? «Ужасный век! Ужасные сердца!» Совсем мужиков загнобили... Я не стану обвинять вас в харрасменте, а просто приглашу вас к себе, вот прямо сейчас. Как вы на это смотрите? – лукаво улыбнулась она.

– С восторгом смотрю! Надо позвать официантку со счетом!

Она потянулась за своей сумочкой.

– Не вздумайте! – рявкнул он.

– Скальпель! Зажим! – фыркнула она. – Прелесть! Настоящий мужик чувствуетея!

Он уже дрожал от нетерпения, так ему хотелось ее прижать к себе.

– Идем скорее, – хрипло прошептал доктор Симачев.

По пологому пандусу они поднялись на набережную.

– Ой, смотрите! – закричала Оксана.

По набережной на скейте катился мопс. Причем стоило доске замедлиться, как песик соскакивал, разбежался и, придав скорости скейту, катился дальше.

– С ума сойти! Смотри, Игорь!

– Да, удивительное зрелище! – пробормотал он, отметив про себя, что она уже говорит ему «ты».

По случаю субботы на набережной было очень много народу.

Доктор вдруг обнял Оксану за плечи и прижался губами к ее шее. И ощутил ответный импульс.

– Потерпи, Рыжик, нам уже близко, – прошептала она.

– Ты сводишь меня с ума!

Последние сто метров они почти уже бежали. Войдя в подъезд, оба замерли и бросились вверх по лестнице. Она жила на третьем этаже.

В октябре в Израиле темнеет куда раньше, чем в Москве.

Игорь Анатольевич вернулся к тетке в начале девятого в полном смятении. Открыл дверь своим ключом и тут же ему под ноги с воплем кинулся котенок. Доктор Симачев подхватил его на руки, поцеловал в лобик, прижал к себе.

– Прости, маленький! Такое дело...

Тетка тоже выглянула в прихожую.

– Тебя можно поздравить?

– С чем, тетя Роза?

– Дорогой мой, тут трудно что-то утаить... Я в окно видела, как вы с Оксанкой мчались... Ясно же зачем, если ты сразу же не появился. Что ж, она хорошая женщина, и тебе давно пора... Ишь, покраснел, как мальчишка... Ужинать будешь?

– Спасибо.

– Спасибо, буду, или, спасибо – нет?

– Буду!

– А найденый твой извелся весь, плакал...

– Я уж извинился перед ним.

– Он принял твои извинения? – усмехнулась тетка.

– Судя по тому, что не слезает с моего плеча, принял, – рассмеялся Игорь Анатольевич.

– Это что же, курортный роман?

– Откуда я знаю... Я ведь скоро уеду...

– Ты влюбился?

– Откуда я знаю?

– Какие ж вы, мужики, гнусные... Она же небось влюблена уже до полусмерти...

– С чего вы взяли? – вдруг перепугался доктор Симачев.

– Ты ей сразу глянулся, а она не такая, чтоб первого попавшегося к себе тащить... Она женщина с глубокими чувствами...

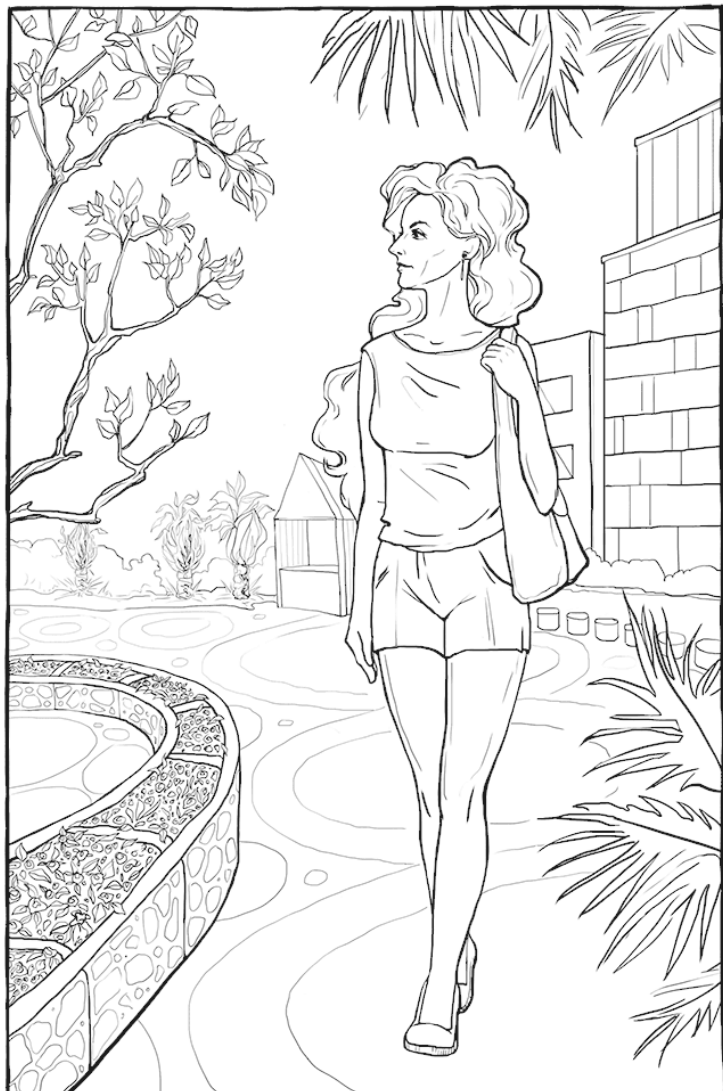
– Тетя Роза, чего вы от меня хотите?

– Могу продолжить твой монолог: «Тетя Роза, чего вы от меня хотите? Чтобы я, переспав с женщиной, сразу сделал ей предложение? Бросил все и остался в Израиле, где мне нечего делать? Я сюда приехал ненадолго...» И так далее. Я права?

– Правы! Конечно правы! Но дело в том, тетя, что мы с Оксаной абсолютно взрослые люди. Она не девчонка, которую я лишил невинности...

– Замолчи! А то наговоришь такого, что самому потом тошно будет. Но ты, конечно, прав, я не стану лезть в ваши с

Оксанкой дела. Меня все это не касается... Я пойду смотреть сериал, а ты помой посуду.

– Конечно, тетя Роза. И не надо на меня сердиться.

– А я и не сержусь... Ваше дело молодое...

Когда утром он вышел на кухню, тетушка стояла у окна.

– С добрым утром! Что вы там высматриваете?

– Ничего. Просто люблю смотреть в окно. А вон, кстати, твоя идет... На работу.

Он невольно подскочил к окну. Тетка ухмыльнулась. В самом деле, он увидел Оксану в шортах до колена и свободной белой рубашке. Она шла быстро и говорила по телефону. Его кинуло в дрожь. Если она оглянется... Он не успел придумать, что тогда будет, как она подняла руку. К ней быстро подъехало такси. Она села и уехала, не оглянувшись. Вот и хорошо...

До отъезда доктор Симачев еще трижды побывал у Оксаны. Это была неподдельная страсть с обеих сторон, но никаких разговоров о дальнейшем никто не заводил. Казалось, оба понимали, что они с разных планет. Им было хорошо вместе, но...

Накануне отъезда Розалия Моисеевна спросила:

– Скажи, детка, а если я на прощальный ужин приглашу Оксану?

– Ничего не имею против.

Но Оксана отказалась, сославшись на то, что должна под-

готовить к конкурсу свою ученицу. С доктором Симачевым она попрощалась еще вчера. Надо признать, Игорь Анатольевич вздохнул с облегчением.

Тетка поехала провожать его в аэропорт.

– У тебя могут быть какие-то недоразумения из-за Рыжика, без иврита замучаешься...

Рыжику заранее была куплена небольшая переноска, но он в ней выглядел как-то сиротливо. Сердце доктора Симачева не выдержало, он достал малыша и сунул в карман ветровки.

– Игоречек, но в аэропорту его все же придется посадить в эту сумочку...

– Понятное дело, но пусть пока у меня побудет, жалко... Маленький ведь, а каково ему будет в аэропорту, как страшно...

– Так, может, оставишь его мне?

– Ни за что! – вырвалось у Игоря Анатольевича. – Это мой зверек, я его нашел!

В аэропорту документы Рыжика изучали куда придирчивее, нежели паспорт его хозяина.

– Спасибо огромное, тетя Розочка, что поехали с нами. Без вашей помощи я бы с ума сошел, – целуя тетке руку, проговорил Игорь Анатольевич.

– Ну я же знаю, как тут бывает, – усмехнулась тетка. – Иной раз без иврита совсем беда. Даже и с английским не

всегда разберешься. Ну что, Игорек, я была так рада, что ты у меня гостил... С тобой легко и приятно, ты хороший мальчик, и уверена, что скоро у тебя все пройдет... Скажи, а что с Оксанкой?

Он смутился.

– Не знаю... Мы в разных странах... И вообще... Передавайте ей привет...

– Созваниваться будете?

– Там видно будет...

– Ох, какие вы, мужики, все-таки поганые... Ладно, думаю, жизнь покажет.

– Вот именно!

И они с Рыжиком улетели.

В самолете рядом с ним оказалась немолодая супружеская пара из Москвы. При виде испуганно сжавшегося в комочек Рыжика в переноске, дама сказала:

– Да выньте вы его, он же весь дрожит, бедненький. – Дама достала из сумки теплый шарф и протянула Игорю Анатольевичу. – Вот, заверните его, сил нет смотреть, как он дрожит...

– Спасибо огромное! Но вдруг описается...

– Да не страшно, – засмеялась дама. – Он же совсем малютка, отстирается. И вообще, я просто дарю вам этот шарф, большое дело!

Она помогла ему укутать Рыжика.

– А можно я его подержу немножко?

– Лена, не надо! – одернул ее муж. – Тебе потом будет трудно вернуть его хозяину.

– Да, ты прав... – Грустно сказала дама.

В результате Рыжик до посадки просидел на коленях хозяина, завернутый в подаренный ему шарф.

В Москве они погрузились в такси.

– Ох, Рыжик, спасибо нашей соседке за шарф, а то тут холод собачий.

По дороге он попросил таксиста заехать в зоомагазин, купить лоток и наполнитель для него. Все остальное он закупил в Тель-Авиве. Дней на десять хватит.

– Он какой-нибудь породы? – заинтересовался таксист.

– Да нет, беспородный.

– А чего ж вы его из заграницы привезли? Нешто у нас таких дворняжек мало?

– Да нет, просто я его нашел там, вот и взял с собой. Мы теперь с ним друзья...

– Надо же, друзья... А вообще-то правильно, друзей бросать – последнее дело.

Но вот наконец они оказались дома.

Первым делом Игорь Анатольевич предложил Рыжику поесть, но тот не стал. Слишком много переживаний за один день для маленького существа.

Потом хозяин взялся за уборку квартиры, хотя там был порядок, но все-таки скопилась пыль по углам, а он этого не выносил. Включил пылесос, Рыжик метнулся под кресло. Доктору Симачеву пришлось выключить пылесос и достать котенка из-под кресла. Когда он сунул его за пазуху, тот замурчал.

– Ничего, брат, надо привыкать к пылесосу, – вздохнул он, и включил пылесос. За пазухой Рыжик пережил это вполне спокойно.

Потом доктор заказал себе на дом пиццу, заварил крепкий чай, поставил на стол блюдечко с кошачьей едой, посадил на стол Рыжика и сказал:

– Вот, Рыжик, оказывается, я законченный кошатник без всяких гигиенических заморочек... Ешь давай! Это наш первый ужин дома. Сегодня будем балбесничать, а завтра с утра подумаем, что нам делать дальше. И не надо нам никаких баб, правда?

– Ма шер, ты почему такая грустная? – спросил Марсель, хозяин салона, Оксану. – Ты же в последнее время выглядела такой цветущей.

– Отцвела уже, – буркнула в ответ та.

Ей было грустно.

Я, кажется, влюбилась в этого Рыжего. Есть в нем что-то настоящее, то, что нужно женщине. Но перспектив никаких. Ноль! Я тут, он в Москве, и сюда уж точно не переедет...

Казалось бы, врач с таким именем, с такой репутацией везде нужен, но бюрократия тут такая... Русский диплом не годится, видите ли... А мне в Москве делать нечего... Впрочем, меня никто в Москву и не звал. А я бы с дорогой душой... Я была бы счастлива ждать его допоздна с работы, готовить для него, стирать-убирать, обихаживать его кота... Но... Даже намек с его стороны не было... Попользовался и улепетнул в свою Москву. И хотя нашептал мне столько всяких слов... А чего они стоят, эти постельные речи? Шекель в базарный день! Ладно, это еще не конец света. Будем жить дальше. Он даже не обещал звонить...

Розалия тоже заметно погрузнела после отъезда племянника. Говорит, даже сама не ожидала, что так привяжется к нему... И все спрашивает, не звонил ли он мне... Ей раза три-четыре звонил, в мне ни разу... Скотина! Такая же скотина, как все мужики...

А доктора Симачева в Москве неожиданно закрутило. Ему позвонил его однокашник Матвей Уралов, глава одной частной клиники.

– Привет, старик! Слышал про твои проблемы.

Игорь Анатольевич хотел было что-то сказать, но Матвей Александрович не дал ему даже слово вставить.

– Вот что, друг, бросай все и приезжай ко мне. Записывай адрес!

– Погоди, Матвей...

– Некогда мне годить, давай приезжай! Да захвати с собой все документы...

– Какие документы? – удивился доктор Симачев.

– Все. Я беру тебя на работу! Только не трюнди мне про свой тремор. Я все знаю, но не пропадать же такому классному специалисту! Я такого не допущу! Будешь у меня консультантом, молодых обучать будешь. Словом, дело такому врачу найдется. А будешь при деле, все неприятности забудутся. Глядишь, и тремор твой пройдет. Короче, бери такси и приезжай! Зарплату тебе положу хорошую. Будешь завидным женихом без эмпэ. – хохотнул Матвей Александрович.

– Что? – не понял доктор Симачев.

– Без материальных проблем, – пояснил Матвей Александрович. – Так что, едешь?

– Еду! – решил вдруг Игорь Анатольевич. – Кажется, это именно то, что мне нужно.

– Рыжик, придется тебе побыть одному. Уж извини, брат, надо привыкать. Если я выйду на работу... – Он поцеловал котенка, уложил в купленную для него специальную корзинку и ушел.

С Матвеем Игорь Анатольевич не виделся лет пять. За это время доктор Уваров сильно раздобрел, выглядел настоящим боссом.

– Мотька, а ты сам оперируешь?

– Да нет, дружище, у меня на столе умерла молодая жен-

щина, с тех пор не могу...

– Твоя вина?

– Нет, у нее были травмы, несовместимые с жизнью, после аварии... Но я взялся и не справился. С тех пор появился страх... Да я и предпочитаю совсем другое: собрать под свое крыло самых классных специалистов, вроде тебя. И умело ими руководить, чтобы склок не было... Пошли, покажу тебе нашу клинику.

Они шли по коридору.

– Оборудование у нас новейшее, персонал опытный, – не умолкал доктор Уваров, вдруг остановившись. – Я слышал, ты в своем отделении молодых не держал, – со смехом произнес он. – Я вообще многое о тебе узнал. Что в разводе, живешь один, квартиру у тебя оттяпали...

– Не совсем так... Просто родительскую квартиру я разменял. Мне и однушки достаточно, и кстати, я уже не один. У меня теперь кот есть, Рыжиком звать. Я его в Тель-Авиве на улице нашел. Такой парень...

– Вот не знал, что ты кошатник.

– Я и сам не знал, а вот взял его на руки и пропал, – смущенно засмеялся доктор Симачев. – Ну, Мотя, веди, показывай свое хозяйство!

«Хозяйство» оказалось просто великолепным. Роскошное оборудование, превосходное оснащение, сверкающие чистотой палаты и коридоры.

– А что ж ты мне операционные не показываешь? – заме-

тил Игорь Анатольевич, что его не ведут в святая святых.

Матвей Александрович смешался и что-то начал нести в оправдание.

– Ааа, я понял! Боишься меня травмировать? Спасибо, конечно, но напрасно. Я все-таки не мимоза.

– Покажу, нет проблем! – обрадовался Матвей Александрович.

В дальнем конце коридора Игорь Анатольевич вдруг приметил высоченного мужчину в зеленом медицинском костюме. Он показался ему знакомым. А тот быстро пошел ему навстречу.

– Конопатый, это ты? – бросился тот ему в объятия.

– Санька! – обрадовался доктор Симачев. – Ты здесь теперь?

Они обнялись. Это был анестезиолог Александр Лавочкин, по кличке «Авиатор».

– Ты теперь будешь тут работать, Игорь?

– Похоже на то.

– Да будет-будет, куда денется, – заверил анестезиолога Матвей Александрович.

– Ладно, я пошел, мне к больному надо. Рад был повидаться!

– И я!

– Вот видишь, Игоряша, какие хорошие люди у нас трудятся.

Посещение операционной произвело на Игоря Анатольевича прекрасное впечатление.

– Здорово, Мотья! Я впечатлен.

– Пойдешь ко мне работать?

– Пойду, все равно ведь надо работать, а тем более со старыми знакомыми...

– А сейчас я тебя познакомлю с ребятами, которых будешь учить и опекать на первых порах. Талантливые, заразы, но не обстрелянные еще...

Матвей Александрович распахнул дверь комнаты, где за двумя столиками сидели парни лет под тридцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.